

КАРНАВАЛ
ПЕРСОНА

Ольга ФУКС

— Вячеслав Иванович, где вы умудрились так загореть?

— На Эльбрусе. Сначала я свозил свой спектакль «Snowshow» в Сингапур и оттуда повез солнце за собой — в Лондон, в Москву, к друзьям в Нальчик. А рядом с Нальчиком Эльбрус, ну я не выдержал и пошел гулять. Далеко зашел, тысячи на четыре метров.

— Вы как-то говорили, что приехав с гастролями в новую для вас страну вы перед выступлениями еще долго вживаетесь — собираете информацию. Куда вы отправляетесь для сбора информации в первую очередь — на базар, в театр, на митинг?

— Знакомство со страной начинается прежде, чем я в нее поеду, — я должен на это решиться. А решиться могу, если чувствую, что в состоянии эту страну понять. Прежде чем поехать во Францию, я должен был понять, на чем мы можем с ними сойтись и решил, что на поэзии. А собираясь в Сингапур, понимал, что это Азия, где к театру относятся как к чему-то магическому. Если страна ответственная, если имидж, который сформируется в ней, может повлиять на мою дальнейшую творческую судьбу, я готовлюсь годами, как было с Францией. А если это Сингапур — надеюсь на сиюминутность настроения, и такие спонтанные приключения тоже очень люблю. А уж потом приезжаешь в страну, едешь на такси и тебе говорят — здесь англичане столько лет простояли, здесь в тюрьму могут посадить за брошенный окурок, а здесь — голову отрубить за наркотики. Так и узнаешь. Я очень люблю пешком везде болтаться. Никогда не летаю на самолете, если есть возможность доехать на машине — тогда чувствуешь природу, пространство. Реальность своего существования.

— А кто за рулем?

— Чаше всего мой старший сын — он так обожает машину, что вырвать у него из рук баранку никто в семье не в состоянии. Раньше я водил.

— Правила соблюдали?

— Я еду, исходя не из правил, а из собственной логики, за что меня жена ругает. Можно повернуть и на красный, лишь бы вокруг все было учтено.

— А что еще важно для успеха, кроме понимания страны?

— Важны первые несколько минут, когда ловишь каждый шорох из зала. Опасно быть дуже уверенным, когда перестаешь быть этакой былинкой, которая передает трепетание жизни, и превращаешься в танк. Не то что бы этого можно было совсем избежать, но надо постоянно возвращаться к тому изначальному трепету. И нельзя жить примитивно. Я всегда беру пример со своего сына. Он не может не играть. Говорю ему, скажем, чайник принести, а он ложится и ползет, а потом машет этим чайником, как кадиллом. При этом может что-то развалить, ударить, и я его ругаю, но понимаю, что он все делает правильно, живет интересно, в игре. Ванька — дурак, оболтус, художник (вся комната завалена рисунками). И не секунды без игры. Я про себя смирился, что он не будет хорошо учиться, важно что он будет хорошим творческим человеком. Важно не структуру в голову вложить, а страсть к жизни воспитать. А у него страсть огромная, и он всех перегонит, если что-то полюбит. Миром правят поэты. Они Магелланова пролива первыми достигают, потому что кидаются туда, где невозможно просчитать. Я сам такой.

— А как же многолетняя подготовка к той же Франции?

— Наверное, это баланс, гар-



Вячеслав
ПОЛУНИН:

ПУТИН — БЕЛЫЙ,
ЛУЖКОВ — РЫЖИЙ

КЛОУН

Вячеслав Полуни́н, мировой клоун, лауреат самых разных премий (от нашей «государыни» до престижнейшей английской — имени Лоуренса Оливье) **задался грандиозной целью — превратить Россию в карнавальную державу.**

мония. Вместе с безалаберностью нужно и некоторое количество чего-то противоположного — на одном прожить не удастся. Я знаю людей гораздо талантливее меня, которые ничего не достигли — игнорировали расчет. В идеале надо ухитриться быть расчетливым и свободным.

— В идеале, как вы однажды сказали, клоун — это человек, который играет даже после смерти сына, на вершине трагедии. Вы можете себя представить играющим на вершине трагедии?

— (Помолчал). Я только однажды отменил спектакль, когда умер мой отец. Я играл и с температурой сорок, и со сломанной ногой на костылях, а тут не смог. Образ это одно, а реальность другое. Но тогда дело касалось другого человека, когда же причина во мне, я выйду на сцену. Я Райкину говорил — почему вы на сцену выходите, вы же больны. А он мне — если перестану выходить на сцену, тут же умру, я живу только из-за этого.

— Если говорить о программе уличных театров, которую вы создали, то все удавшееся очевидно. Что не удалось?

— Я боюсь потерять свое доброе имя из-за того, что не могу отрегулировать какие-то процессы. В «Эрмитаже» на карнавале должно быть 2—3 тысячи человек максимум, чтобы всем было видно. Приходит же 8—10 тысяч и как попадают — не понятно. Я понимаю, что людям надо видеть карнавал, но приходя в таком количестве, они его убивают. А с другой стороны, я вижу, что им важны не только спектакли, но и то, что они все здесь собрались по поводу, который им важен. Они поддерживают какой-то пласт культуры, который помогает им жить. Люди не бегают, стремясь увидеть все на свои 200 рублей, им важно находиться в этом энергетическом пространстве. Если я прав, я выиграл, если нет — проиграл, что жалко, потому что некоторое количество лет я на это потратил. Идею с кораблем дураков я вынашивал 13 лет и ждал, когда придет время, и людям понадобится этот образ (москвичи увидят его 29 июня на закрытии Олимпиады). — О. Ф.)

— А как же в Бразилии выходя из положения?

— На Самбадроме (это улица

такая широкая, по которой проходит карнавальное шествие) устанавливают трибуны, и люди покупают билеты. Потом карнавал растекается по улицам, и каждая труппа занимает свой уголок. Мы тоже могли бы потратиться на трибуны, но тогда от половины участников пришлось бы отказаться. На первый раз моей задачей было убедить в том, что такой праздничный принцип для нашей страны интересен. Главное, что я смог сделать, — показать всей стране по телевидению предчувствие, возможность настоящего, естественного, а не сделанного праздника. Если что-то сдвинется, в следующий раз поставим трибуны.

— Как вам показалось по общению с бизнесменами, чиновниками — сдвинется?

— Я с ними не общаюсь. Я три года потратил на то, чтобы найти деньги на «Караван мира» (передвижной фестиваль клоунов, организованный Полуниным 12 лет назад). — О. Ф.) Я очень хорошо умею находить деньги. Но больше не могу позволить себе потратить три года на добычу денег, будмажки, выпивания, согласования

— на пустоту. Поэтому я решил для себя — приду тогда, когда понадобится.

— А вам приходилось когда-нибудь просто думать о заработке?

— Конечно, проблема зарабатывания денег не возникает только у людей, которые только думают о том, как делать деньги. Заработал я, условно, несколько куч денег в Америке и думаю, как их правильно потратить. Решил потратить их в Лондоне на создание нового образа. Приехал, арендовал потрясающий старинный мюзик-холл на 1500 мест, где Чаплин с Фредом Карно делали «Молчаливых птичек», и дешевый, потому что рядом негритянский квартал. И все деньги потратил на рекламу. А в первые дни приходило по 150—200 человек. И только к концу второй недели открыли третий ярус, который сто лет не открывали. А до этого был страх жуткий. Мы с семьей четвером жили в одной комнате — четыре кровати и стол, где дети по очереди делали уроки. Дорогие же гостиницы, и надо быть уверенным, что дело пойдет.

— Вы общались с Путиным вместе с устроителями театральной Олимпиады. Какое впечатление он на вас произвел? Какую роль вы бы ответили ему, если бы задействовали его в карнавале?

— Вряд ли он захотел бы участвовать в карнавале. Вот Лужков артистичный человек, игра в его психологии и физиологии. А Путин — человек дела, его артистизм в другой сфере. Ну, летчика он мог бы сыграть, но не шута. Он белый клоун, а белый клоун, согласно философии клоунады, не может изображать оболтуса и снижать свой образ. В его персонаже — героическое начало. Вот Лужков может сыграть шута, это его рыжая суть.

Русские люди, находясь при постоянной смене политиков, отличают их уже на раз-два. У меня же впервые политик оказался в сфере моих интересов. Мы с Робертом Уилсоном, которого я сейчас считаю самым великим режиссером, день говорили про Путина. Он считает, что ни в одной стране мира сейчас политик не позволит себе связаться с шутами. Ни Мейджер, ни канцлер, ни королева не будут встречаться с деятелями культуры — для этого там слишком хорошо все отрегулировано: мухи отдельно, котлеты отдельно. И его поразило, что президент сел и несколько часов общался, задавал вопросы, а не провозглашал. Хотя я понимаю, что Путину важно сейчас формировать свой имидж — на Западе его приход встречен молчанием, многие не понимают, кто такой Путин.

— Вспомните самый яркий случай взаимопроникновения театра и жизни.

— Их тысячи. «Караван мира» был вершиной соединения социальной и художественной сторон жизни. Парад сумасшедших комедиантов двинулся через всю Европу, и это совпало и с падением стены, и с движением навстречу культур Востока и Запада. Въехали мы в Прагу, а там Гавел сидит под домашним арестом. Мы дали представление и собранные деньги отдали лучшим лоерам (адвокатам), которые выплатили его из-под ареста. Или написал я сценарий, где одна часть представления проходит в Восточном Берлине, а другая в Западном — за три месяца до падения стены. И послал запрос двум бургомистрам. Западный согласился финансировать проект, а восточный сослался на сложности. Через три месяца стена пала, и западный прислал мне телеграмму — препятствия устранены, вы можете играть. Я все время внимательно слежу за такими процессами, я на лезвии. Я здесь, потому что только здесь и сейчас можно было устроить такой карнавал. Раньше было нельзя, и через два года будет невозможно.

ав шмале
кооп?

Полуни́н Вячеслав